Александру Боброву…

Такой вот сюжет получился…
Зачем, почему, отчего?
Мой друг престарелый влюбился.
Да кто же осудит его?

Восторженно! Огненно! Зыбко…
И радость не сходит с лица.
Хоть эта скупая улыбка,
Возможно,—начало конца…

Но, с нежным вулканом не справясь,
На ниточке страсти вися,
Он верит: взаимности завязь—
Вся жизнь! И Вселенная вся!

Божественность прикосновений—
Бессмертья и вечности знак!
Он нынче—хозяин мгновений!
В миру—не изгой, не чужак.

Меж бытом живя и нирваной,
Отбросивший признаки лет,
Он—Избранный! Выбранный! Званый.
А большего счастья и нет!

• • •

Неужто доволен, неужто ты рад,
Что нынче без русских живёшь, Ашхабад?
Не с русским ли ты вдохновенно копал
В пустыне Великий Туркменский канал?

Дружили в песчаных просторах земли…
Нас, русских, приветствовал Махтумкули…
И слал благодарность с высоких небес
Певец миролюбия—Молланепес.

Последнего русского видишь в толпе…
Их нет ни в Чарджоу, ни в Геок-Тепе.
Не спрятались от каракумской жары—
Покинули Кушку и город Мары…

Туркмения!.. Давняя боль и урок…
Но в сердце нетронутый есть уголок.
И капают слёзы на утренний стих…
Последние русские… Я—среди них!

Немного о душе…

В ней слились в едино—лёд и пламень…
А вселенский Разум не отторг
Свет небесный и тяжёлый камень…
Боль и радость, муки и восторг!

Всё на свете—сохнет и мелеет.
Всё гниёт—побеги и листва.
Всё—нисходит. Погибает. Тлеет.
Лишь Душа—по-прежнему жива!

Пусть порою истекает кровью,
Ей такое таинство дано:
Выручать надеждой и любовью
И с годами—крепнуть всё равно!

Святой народ

Нынче знают все отлично:
Есть—владельцы, есть—народ…
Частный пляж и берег личный,
Частный порт, аэропорт…

Всё отобрано в итоге…
Всё изъято на ходу.
Банки, пристани, дороги,
Рыбка каждая в пруду…

Всё схватили басурманы,
Проходимцы лет лихих…
Всё—в офшоры, всё—в карманы.
Было—общим, стало—их…

Личный газ из скважин рвётся
На валютные торги.
Бедный плачет. Плут—смеётся.
Благоденствуют враги.

Край, богатством осиянный:
Алюминий, злато, медь…
Как же выжить россиянам,
Если нечем им владеть?

Виноватый и безвинный,
Обронивший меч и щит…
Наш святой народ глубинный
Чешет спину… И—молчит.

Я—там…

Вы ищете меня?
Куда она пропала?
Уже—вершина дня…
Ведь раньше всех вставала…

А где я?.. Белый свет
В делах, в бегах, в тусовках…
Меня, конечно, нет
На дорогих парковках.

И нет в загранпорту,
На вороватой яхте,
В шезлонге, на борту…
На криминальной вахте.

Где жулики сошлись,
Блаженствуя беспечно,—
Малина, а не жизнь,—
Меня там нет, конечно.

Где русофобский тать
С усмешкою дебила—
Не стоит и искать…
Кричать: «Ау, Людмила!..»

Хоть будни нелегки,
Но всё ж—не сникли крылья…
…Я там, где земляки
Устали от бессилья.

Где знают: день придёт
Заслуженного чуда!..
Я там, где мой народ.
И не уйду оттуда!

Мой август…

Твой солнечный вызов—
На счастье намёк…
Не будь ко мне строг,
Благодатный денёк!

В распахнутых крыльях
Лучистого дня
Зелёным пейзажем
Окутай меня…

На сердце—не пусто.
И радость внутри.
За нежные чувства
Меня не кори.

Хоть мир неспокоен,
Озлоблен и груб,
Слетают слова
Благодарности с губ…

За всё, что прошло
И что будет со мной.
За свет поднебесный
И праздник земной.

Личное…

Собратьям по перу

Когда страна недоброй к Слову стала,
Когда поля колючкой заросли,
Когда ржавели кладбища металла,
Я—погибала… Вы меня спасли.

Да, у поэтов есть такой обычай—
Сходиться в круг. И не скупиться слов…
Спасибо, Поляков и Голубничий,
Бояринов, Сорокин и Костров!

За каплей—капля. Кровь вливалась в тело.
Пока пишу—я больше не умру!
Есть Родина. И есть святое дело.
Спасибо вам, собратья по перу!

Отрадно мне, что, лишних слов не тратя,
Стряхнув с волос неразличимый нимб,
Могу зайти в «Московский литератор»,
Как будто на возвышенный Олимп…

С эпохой грозной не играя в жмурки,
Зажав в ладонях лепестки стихов,
Мелькну порой в лучах «Литературки»—
Стареющей обители богов…

Спасибо, что учусь смотреть превыше!
Что робкий голос—признан и спасён…
Что вами он издалека услышан
И рупором газетным вознесён.

О нас, грешных…

Ах, наподобье эпидемии
Литературные десанты,
Кружки с названьем «академия»,
Лауреаты, номинанты…

Себе и обществу для памяти—
Слаба натура человека—
Пестрят верительные грамоты:
«Поэт эпохи», «Автор века»…

И оглушённый почитатель
Сражён рифмованным огнём…
Ах, наш доверчивый читатель,
Что ищет он в краю родном?

Неукротимое явление
Не поддаётся пониманию…
Ну просто светопреставление—
Такая рифмо-графомания.

Никто пути нам не укажет:
Как быть с привычкой дорогой?..
Никто из пишущих не скажет:
«Нет! Я—не Байрон!.. Я—другой».

Аэропортов имена…

Дать имена в сознанье гордом
И просветить отсталый мир—
Вокзалам и аэропортам,
Причалам, гаваням и др…

Чтоб путешествовали пуще,
Летали, двигались вперёд—
Годятся Лермонтов и Пушкин
Простимулировать народ.

Чтоб путь был правильным и ровным,
Пришла спасительная весть:
Уже аэропорт Петровны
В Калининграде дальнем есть!

Так и рехнуться нам недолго,
И хлынет предложений вал:
В чью честь назвать сегодня Волгу?
И Кремль? И озеро Байкал?

Есть имена—вовеки святы…
Они давно известны всем.
Их, светлых,—не один десяток,
Но ими торговать—зачем?

Зачем вы всё переназвали?
Аэропорт—он тоже дом!
Постройте новые вначале,
А имена—уже потом!

Самозанятые…

До чего ж обидно это…
Время—деньги! Всё—течёт…
Самозанятых поэтов
Власти ставят на учёт.

А талант или проклятье—
Разобраться не спеши…
Просто—смелое занятье
Возжигать огонь души.

Это вечное желанье,
Добрый замысел простой:
Записать небес посланье,
Мир спасая красотой.

И в пургу, метель и слякоть
Наши мысли—высоки.
Над людской бедою плакать
Золотой слезой строки…

Нам привычно и не странно
В этом «мире на крови»
Самовольно, самозвано
Охранять закон любви.

Не давайте нам советов,
Не мешайте никогда!
«Самозанятых» поэтов
Не клеймите, господа!

Спальный район…

Я люблю район свой спальный.
Спит покой в его дали́.
Не забытый, не опальный,
Рай—на краешке земли!..

Пресвятая радость будней,
Груз забот и вечный труд…
Понаехавшие люди
Москвичами стали тут.

Наше бывшее богатство
Мне досталось и тебе…
Не соседи по пространству,
А собратья по судьбе…

Я люблю район свой спальный.
Не живут в нём власть и знать.
Просто властным нереально
Здесь и бодрствовать, и спать…

Непрестижный, отдалённый,
В стороне от суеты…
Спальный мой район зелёный,
Парки, клумбы и цветы…

Светит утром луч хрустальный.
В дрёме сонная кровать…
Я кричу: «Район мой спальный,
С добрым утром! Хватит спать!»

Лучше дома…

Доброта, тепло и свет—
Островок в глуши Вселенной…
Лучше дома места нет
В жизни суетной и бренной…

Пусть повсюду мрак и мгла,
Всё—в раздоре и боренье,
Лучше дома нет угла
В мировом столпотворенье.

Крыша, комната, изба…
Без изыска и без блеска.
Благодатная судьба—
Закуток от бед вселенских.

Дом приветит и согреет.
Соблазнит едой плита…
Приласкает батарея
Зимним вечером кота.

А вокруг—борьба до смерти!
Вечный выбор: кто—кого?
В дом, как в Родину, поверьте.
В нём защита и родство…

Ты—хозяин только дома!
Вдалеке от зол и бед.
Лучше дома—аксиома—
Лучше дома места нет!

Город…

Где этот город—любви и судьбы,
Где поселенцы его—не рабы?
Город мечты, и надежд, и улыбок…
Мир катастроф, и беды, и ошибок?
Где этот город, могучий и древний,
По суетливости схожий с деревней?..
Город, где были единством богаты
Наши творцы, работяги, солдаты…
Скрыты секреты в элитных жилищах…
Город бабла, олигархов и нищих.
Город—на ветреном взгорье страны.
Город, которому мы не нужны.
Город былого пресветлого Гимна…
Город, где наша любовь—не взаимна…

Погадаем…

Я дую на кофе, и в нём, как на фото,
Желанное, светлое, доброе что-то…
И радуюсь я мимолётному снимку,
Где русский с украинцем ходят в обнимку.
Поляки и немцы, Европе на диво,
Пьют, дружески чокаясь, свежее пиво.
И, выйдя из запертых злобой дверей,
Под ручку гуляют араб и еврей.
Китайцы с японцами судьбы связали,
Кузнечиков жаря на общем мангале.
Армяне и турки—два любящих брата—
Совместно освоили склон Арарата.
А резвые, трезвые американцы,
Целуя кубинцев, затеяли танцы!
Бельгийцы, норвежцы и прочие шведы
В стремлении к миру достигли победы,
Вердикт вынося, как индейку на блюде:
«Давайте мириться, товарищи-люди!»
…А слёзы и войны? А смерть миллионов?
Устала планета от мин и патронов.
Но в чашке кофейной не видно ответа…
Когда же, товарищи, сбудется это?

● ● ●

К деньгам потаённая жажда
Иль зависти скрытый сосуд?
Зачем Вы отдали Ассанжа
На этот неправедный суд?

Ведь он, не тая откровенья,
В недобрый, как видится, час,
Такие раскрыл преступленья,
Что, может быть, каждого спас!

Подвижника подвиг нетленен…
Но, вытолкав правду за дверь,
Какой же, Морено, Вы—Ленин?
Вы просто предатель теперь!

Человечества феномен…

Ни Вера… Ни времён глагол,
Ни философия, ни дело…
Но лишь одно—игра в футбол—
Весь мир земной сплотить сумело.

А мир затоплен морем лжи.
И всё опасней—с каждым разом…
О гомо сапиенс, скажи:
Где спит твой коллективный разум?

Наше молчание

Когда душа полна отчаянья
И сердце рвётся на куски,
Мы знаем: в омуте молчания—
Избыток боли и тоски…

А время пополам расколото
На эти и на те года…
Молчание… Оно не золото,
А преступленье иногда.

Невидимые, незаметные,
Не предающие страну,
Мы знаем, что друзья заветные
Умеют слышать тишину…

В ней сила единенья множится,
И в ней уверенность крепка,
Что будет всё у нас по-божески!
Поэтому—молчим пока…

Запрос в друзья…

В эту грозную вьюгу,
Чтобы души спасти,
Мы прижмёмся друг к другу
В социальной сети…

Мы у родины милой
Уж давно не в чести.
Здесь поделимся силой
На житейском пути…

Между явью и прошлым
Мы—живые мосты.
Нас купить невозможно!
Наши мысли—чисты!

Наши—дали и были…
И побед торжество…
Ничего не забыли!
Не простим никого!

Не фальшивый, спесивый
И продажный бомонд…
Мы—остаток *России!*
Золотой генофонд!